

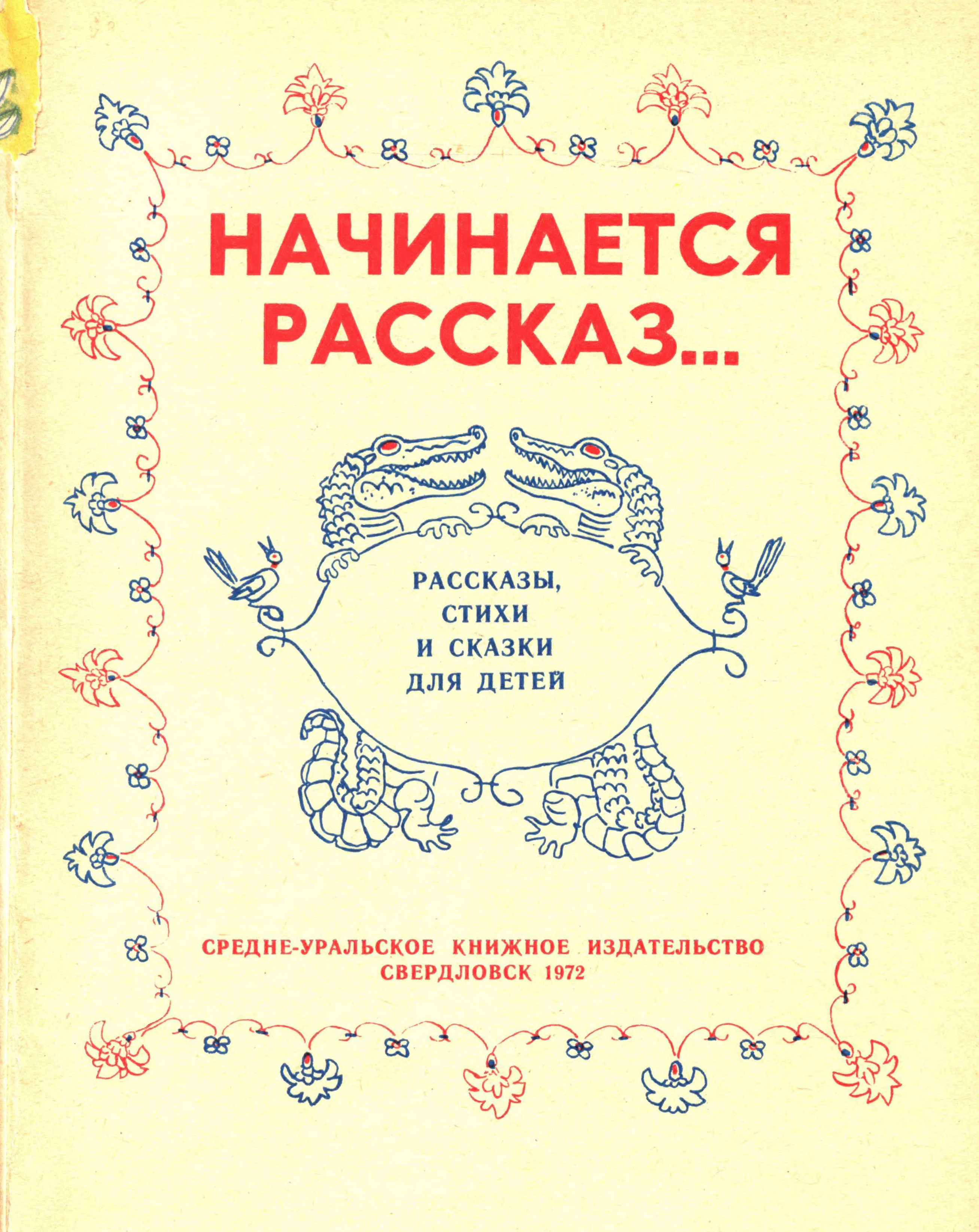

НАЧИНАЕТСЯ РАССКАЗ...

Лёша
Поздравляю
тебя с днём
рождения
Игорь.

НАЧИНАЕТСЯ РАССКАЗ...

РАССКАЗЫ,
СТИХИ
И СКАЗКИ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК 1972

...В этой книжке ты узнаешь,
Кто такой был Ди-ло-крок,
Кто пугал ребят на даче,
Как зубрёнку врач помог...
Есть тут быль и небылицы,
Есть и грустные страницы
И стихи смешные—тоже,
И забавные слова...
Эта книжка нам поможет
Даже в цирке побывать!..

Но не сразу всё, не вдруг.
Посиди-ка тихо, друг,
И послушай о серьёзном—
О лихой године грозной
И о подвиге сейчас
Начинается рассказ...

7–6–2
66–72

ДЛЯ МЛАДШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Н. КАЛЬМА

ЗЛОДЕЙ

Рассказ

Августа Андреевна не приходила, а заводилась в доме. Заводилась надолго, до тех самых пор, покуда не бывали перештопаны все Еленкины чулки и лифчики, не накрахмалены до мраморности папины манишки, не зачинены каким-то особо хитрым, незаметным для глаза способом мамины кружевные накидки. И ещё — покуда не бывали разрешены десятки домашних затруднений, считавшихся вовсе неразрешимыми.

— Золотые руки, — говорила об Августе Андреевне бабушка. А Еленка удивлялась: какие же золотые, когда каждый маленький палец был изуродован ревматизмом и ручки были узластые и бедные.

Но всё равно Еленка любила и эти руки, и всю Августу Андреевну — тоже маленькую, тихую, с неизменным чёрным кружевным полушалком на голове, из-под которого приветно светились тёмные внимательные глаза.

Однажды утром, встав, Еленка замечала, что открыты двери гардеробной — всегда запертой тёмной комнаты, похожей на пещеру. Там, в недрах, заставленных шкафами и сундуками, уже стучала зингеровская машинка, и домашние то и дело исчезали в дверях. Всем было дело до Августы Андреевны: бабушка утверждала, что никто так хорошо не делает мази от подагры, кухарка Настя совещалась о белом соусе, даже сам папа заходил посоветоваться с Августой Андреевной, кому отдать переписывать дела.

Еленка стремглав кидалась в гардеробную, повисала на шее Августы Андреевны, с радостью ощущала знакомый запах — не то маринада, не то казанского мыла.

— Здравствуй, деточка, здравствуй, умничка, — тоже радостно говорила своим грудным голосом Августа Андреевна.— Как ты тут без меня живёшь-можешь?

— Плохо живу! — вздыхала Еленка и забиралась с ногами на сундук, покрытый старым-престарым стёганым одеялом. Сундук стоял впритык к натопленной печке, от которой так приятно было отколупнуть во время разговора кусочек белёной глины и отправить его в рот. И, понимаете, никто при этом не ужасался. Наоборот, услышав хруст, Августа Андреевна только усмехалась:

— Вон как хрупает! Кушай, кушай на здоровьичко: видно, природа твоя того требует.

— Плохо живу, Августа Андреевна, — жалобно повторяла Еленка, — опять папа с мамой не дают читать в постели. Говорят, и так я нервная. И в гости меня не берут, и ко мне детей не водят.

— Наверное, папашеньке с мамашенькой виднее, чего тебе можно дозволять, чего нельзя, — осторожно возражала Августа Андреевна. — Чуть что — ты в слёзы. Вот мои босяки Коська с Андрейкой небось сроду не ревели. Без отца росли, а чтобы плакать там или какие капризы строить — этого в заводе у нас не было.

Вот когда начиналось самое-самое интересное! Еленка обожала эти рассказы о «босяках» Августы Андреевны: как они жили на чае и хлебе в халупе на берегу Самарки, как однажды ночью случился у них пожар, а они — все трое — крепко спали и погибли бы, если бы не добрые соседи. Как оба «босяка» служили в мальчиках у бакалейщика Егорова, а потом устроились в обучение к кузнецу Федотову — первому силачу на слободке.

Андрейка, по рассказам Августы Андреевны, был рассудительный, тихий, зато Коська — зубастый, выдумщик и первый заводила среди слобод-

ской ребятни. Чувствовалось, что Коська и есть любимец Августы Андреевны, хотя она сама никогда бы в этом не призналась. Рассказывала она всегда тихим, размеренным голосом, не переставая что-то шить или штопать.

Сейчас Андрейка был солдат на германском фронте, сидел в промозглых окопах где-то в Галиции, иногда присылал матери письмишко, и тогда Еленка узнавала все солдатские новости. Узнавала, что солдатам уже невмоготу сидеть в воде, что все только и ждут замирения и сердце у всех горит огнём. Коська же «отбывал за политику», как кратко говорила Августа Андреевна. Еленка плохо представляла себе, что значит «отбывать за политику», но давно уже отметила про себя, что у взрослых при этих словах на лице появляется особое выражение и голос понижается.

— Еленка, ступай отсюда, ты мешаешь Августе Андреевне, — сурово говорила в таких случаях бабушка и старалась поскорее выдворить девочку из гардеробной.

— Нисколечко она мне не мешает, — хмурилась и вдруг вспыхивала Августа Андреевна, — а если вы, Вера Васильевна, насчёт чего сомневаетесь, то будьте покойны, от меня дитё худого не наберётся. И мои сынки не горчишники какие, не злодеи. Беда это наша, не вина.

— Да я знаю, знаю, голубушка, — терялась и начинала суетиться бабушка. — Вы человек верный, я знаю. Но ей-то, ей рано много знать. Мала она ещё.

— А это уж как вы желаете. — Августа Андреевна снова бралась за машинку, но взгляд её оставался неукротимым. — По-вашему, может, и так, а по-моему — никогда правду не рано знать.

Пока они спорили, Еленка снова успевала проскользнуть в гардеробную и угнездиться на сундуке. Бабушка хоть и замечала этот её манёвр, но, видимо, не решалась снова её прогнать.

— Ну, об чём будем говорить? — спрашивала Еленка, когда бабушкины скрипучие башмаки затихали в коридоре.

— Это уж ты сама придумай, — отзывалась Августа Андреевна. Гнева её как не бывало, и глаза опять тихо сияли. — Ты же у нас придумщица не хуже моего Коськи.

— Вот хотела я вас спросить, Августа Андреевна... Что такое ком-промети-ро-вать?

— Как? Как ты сказала? Ком-про... Дальше-то как?

— Ком-про-ме-ти-ро-вать, — повторяла Еленка. — Это папа так сказал.

— Вот чего не знаю, того не знаю, — сокрушённо вздыхала Августа Андреевна. — Небось иностранное слово. Спросила бы Костю моего, он бы тебе тотчас сказал. Он всё знает.

— А что такое пикантный? Это тоже папино слово, — не унималась Еленка.

Августа Андреевна светлела:

— Вот это я знаю. Соус такой есть — пикан. Острый, с перчиком, с кислым огурчиком. И к мясу, и к рыбе хорош.

Еленка трясла головой:

— Нет-нет, не то. Папа не о соусе говорил. Тут совсем другое.

— А в честь чего же папашенька эти слова сказал? — интересовалась Августа Андреевна.

Еленка раздумывала. Пересказать Августе Андреевне разговор папы с мамой? С одной стороны, разговор этот и самой Еленке не полагалось бы слушать, не то что пересказывать чужим. С другой же стороны, Августа Андреевна была вовсе не чужая. Кроме неё да толстушки Олечки Кошуро-Кастальской, у девочки не было друзей. А теперь и дружба с Олей была под угрозой. Ведь Еленка собственными ушами слышала, как папа выговаривал маме:

— И охота тебе, Соня, поддерживать это знакомство! Твои Кошуро-Кастальские нас просто компрометируют. Все в городе знают меня не только как опытного нотариуса, но главным образом как человека передовых, левых убеждений. Вся прогрессивная адвокатура у нас бывает, есть среди них и поднадзорные, а ты вдруг вводишь к нам самого начальника тюрьмы и его семейство! Да знаешь ли, что о нас станут говорить в городе?! И репутация у этого Кошуро-Кастальского самая мерзкая. Говорят, он просто зверь для заключённых, ввёл в тюрьме истязательный режим. Принимать его — всё равно что принимать жандарма Пальчикова. Да ещё сейчас, во время войны, когда всё так усложнилось и обострилось...

— Помилуй, Серёжа, что это ты так взъелся на Кастальских? — обиженно возражала мама. — Роман Игнатьевич — прелестный собеседник, столько путешествовал, так много видел. От Агриппины Николаевны ты сам был в восторге, находил её очаровательной, пикантной... А их Оля, ты сам знаешь, очень хорошо влияет на Еленку. При ней Еленка становится спокойнее, не метусится, не утыкается в свои книги. Девочке просто полезно дружить с такой розовой хохотушкой.

Вот такой разговор был у папы с мамой, и Еленка не утерпела — пересказала его Августе Андреевне. Та долго молчала, потом сказала, не поднимая глаз от шитья:

— Справедливый у тебя папашенька, деточка. Ты его слушайся, он тебе — первый помощник и советчик...

Оля Кастальская появилась в доме гораздо раньше, чем её ждали, и даже вовсе не в рождественские каникулы.

Навсегда запомнила Еленка невзрачное осеннее утро, серый свет в окнах, дождевые капли на форточке и не по-утреннему оживлённый, как будто

даже радостный голос кухарки Насти. Настя выкладывала в кухне кому-то, кого Еленка не видела, ошеломляющие новости:

— Убитый, насовсем убитый, вот сей минут только от Валентиновых ихняя Маланья прибегала. У ей свояк в конвойных служит, он ей и сообчил. Он по наряду ночью в Крюцком саду был, сам всё видел. В самый лоб, грит, пулечка пущена. Будто из его собственного револьверта и стрелили. Лежит, грит, у самой лавочки, что по-над рекой. Одну руку откинувши, а сам уже застылый, жёлтый весь, и ус торчмя. Ой, страсть какая! — всхлипнула вдруг Настя.

— А что ещё твой конвойный говорил? — Это голос бабушки — тоже взволнованный.

— Глазищами своими, грит, так и глядит, — продолжала с величайшим наслаждением Настя. — Его и живого-то страсть как боялись, Вера Васильевна. Он ведь над арестантиками так лютовал — ужасть! Давеча один и скажи ему: «Ты, мол, начальник, не больно лютуй, придёт вскорости и твой черёд». Избили того арестанта, конечно, до полусмерти, а он ночью возьми да и сбеги. В городе, бают, все мышиные норки обыскали — не нашли. Видно, кто ему с воли помогал. Вот теперь на того арестанта и думают — будто он убил.

— И никаких следов? — полюбопытствовала бабушка.

— Есть следы, есть. — Настя хотела продолжать, но тут не то половица скрипнула под ногой Еленки, не то слышно стало её громкое дыхание, только бабушка выглянула из кухни и обнаружила ссутулившуюся фигурку у стены.

— Ты зачем здесь? А ну-ка, марш к себе, в детскую! Наказание господне! Вечно она что-то подслушивает!

— Вовсе я не подслушивала, — защищалась Еленка, — вы вот как обе кричите — на всю квартиру. Я просто слушала. Бабушка, а его найдут?

— Кого ещё?

— Ну, того, кто убил?

— Теперь будет приставать ко всем! — с отчаянием сказала бабушка. — Найдут, найдут, не бойся, не придёт он сюда!

Но уже бежали по спине Еленки мурашки, снова и снова виделся ей жёлтый мертвец, глядящий в небо круглыми, навек испуганными глазами...

Папа вернулся не в обеденный час. Намного раньше. Прошёл прямо к Еленке, уселся в низенькую детскую качалку. Вид у него был серьёзный, и он даже не потрепал дочку по голове, как всегда.

— Девочка, мы с мамой ждём от тебя помощи, — начал он, глядя как-то вбок, мимо Еленки. — Мы с мамой хотим, чтобы ты нам помогла в важ-

ном деле, — повторил он. — Мама поехала на вокзал — встречать Олю и скоро привезёт её сюда.

— Олю?! — вскричала Еленка. — Как?! Почему?! Ведь она...

— Да-да, она не должна была приехать сейчас, — кивнул папа. — Но, видишь ли, у них в семье — большое несчастье. Умер Олин папа.

Что-то мгновенно осветилось для Еленки. Усы мертвеца! Белокурые, пышные усы Романа Игнатьевича!

— Его убили.— Она даже не спрашивала. Она утверждала. Папа вздрогнул:

— Откуда ты знаешь?!

Однако Еленка уже давно привыкла умалчивать об источниках своей информации.

— Знаю,— только и сказала она.

— Ну, так тебе, значит, объяснять не надо.— Папа не настаивал.— Олина мама за границей. Конечно, её вызовут телеграммой, и она приедет. Но пока она не приехала, Оля поживёт у нас. Ты, девочка, должна быть с ней очень ласкова, очень внимательна. Ты же понимаешь, как ей страшно и больно? Представь на минутку, что я умер...

Папа сказал это необдуманно и тут же пожалел, что сказал: так побледнела дочка, с таким воплем кинулась к нему.

— Ну-ну, успокойся, я просто глупый. Успокойся же, я здесь же, я живой,— забормотал он, гладя худенькие длиннющие руки, которые вцепились в него и никак не хотели отцепиться.

— Так ты обещаешь заботиться об Олечке? Мы с мамой очень рассчитываем на тебя. Может, ты сумеешь смягчить её горе. Ты уж большая девочка и должна всё сама соображать.

— Я соображаю,— Еленка ещё не пришла в себя, но говорила твёрдо.— Я, папа, ей мою куклу Зину отдам. Я ей всё, что она захочет, отдам.

— Это хорошо,— кивнул папа,— только, думаю, ей будет не до игрушек. Не дай бог тебе, Еленка, испытать такое горе.

Папа оказался прав. Когда к вечеру мама привезла с вокзала закутанную в большой оренбургский платок Олечку, Еленка оробела. Перед ней стояла не её подружка, смешливая и беспечная, а чужая, очень взрослая девочка. Она не отвечала на вопросы, молча дала себя увести в Еленкину комнату, молча села на любимое место — широкий тёплый подоконник, где они, бывало, так дурачились, и только когда Еленка крепко обняла её и прижала к себе, из-под оренбургского платка раздался тоненький, скулящий звук. Точно жаловался большой щенок...

Так они сидели, обнявшись, покуда не принесли в комнату раскладную кровать для Олечки. Девочку уложили — всё такую же вялую и молчаливую, и Еленка долго сидела рядом — следила, заснула ли подруга. Потом

соскучилась и отправилась бродить по квартире: спать ей было ещё рано.

За дверью бабушкиной комнаты шёл разговор — тихий и быстрый. Еленка узнала голос Августы Андреевны. Как?! Она здесь и не пришла поздороваться?! Девочка стала ломиться в дверь:

— Августа Андреевна! — кричала она.— Августа Андреевна, откройте! Бабушка, пусти, я хочу видеть Августу Андреевну!

Однако дверь оказалась запертой, голоса тотчас смолкли. А тут вывернулась откуда-то мама и строгим голосом велела идти спать.

— Мама, да ведь рано же, — возмутилась Еленка.— И, потом, пришла Августа Андреевна. Я хочу её видеть.

— Тебе показалось. Никакой Августы Андреевны у нас нет.— Мама, как всегда, заговорила железно. Однако Еленка тоже была железно уверена, что слышала именно Августу Андреевну. Она не сразу заснула: то слушала дыхание Оли на кровати рядом, то раздумывала, почему взрослые всегда стараются обмануть детей.

На следующий день папа повёз Олю, одетую в чёрное платьице и неизменный оренбургский платок, на похороны отца. Еленка тоже просилась: ей было до страсти любопытно поглядеть, что это такое — похороны. Но как она ни настаивала, как ни ревела громко и капризно, её не взяли.

— С её-то нервами на похороны?— промолвила мама, и Еленка убежала в детскую — пожаловаться кровати и подушкам на жестокость взрослых. Впрочем, когда раздался звонок у парадной двери, она тотчас выглянула посмотреть, кто пришёл.

— Могу я видеть Сергея Сергеевича? — Это был Пальчиков, сам Пальчиков в серой шинели с аксельбантами. Фуражку он держал в руке и весь изогнулся перед мамой.

— Сергей Сергеич уехал на похороны Кастальского,— сказала мама.— Что ему передать?

Пальчиков вытер белейшим платком свои шикарные бакенбарды. Казалось, что он о чём-то раздумывал.

— Может быть, это даже удачно, что его нет в данную минуту,— сказал он наконец.— Дело, видите ли, касается некоторых персонажей, которые выполняли в доме, так сказать, хозяйственные функции. Поэтому законно обратиться к хозяйке дома.

— Не понимаю,— подняла брови мама.— Ничего не понимаю. Какие персонажи?

— Сейчас всё объясню, уважаемая Софья Александровна. Сейчас, сейчас. Могу я войти и побеседовать с вами? Только, конечно, не здесь, не в прихожей.

— Пожалуйста, пройдите,— неохотно промолвила мама и рукой показа-

ла на двери папиного кабинета. Еленка, не дожидаясь приглашения, уже проскользнула вперёд и притаилась за высоким папиным креслом.

Пальчиков поискал глазами удобное место и уселся на диван. Мама ждала, скрестив руки.

— Да вы садитесь, садитесь, Софья Александровна, — любезно пригласил её Пальчиков, как будто это она была у него в гостях, а не наоборот.— Видите ли, я хотел спросить вас как хозяйку дома: когда вы в последний раз пользовались услугами вдовы Фроловой?

— Вдовы Фроловой? — недоумённо повторила мама.— Что это за вдова?

— Возможно, вам она известна только по имени. Её зовут, её зовут...— Пальчиков поискал что-то в своём бумажнике.— Ага, вот. Её зовут Августа Андреевна.

«Да она и сейчас у нас здесь»,— хотела было высказаться Еленка, но что-то заставило девочку удержаться.

— Августа Андреевна? — повторила мама.— Да, немного знаю такую. Её, кажется, иногда вызывают починить кое-что из белья. Только она давно не бывала у нас. Даже не припомню, когда в последний раз я её видела.

Девочка за креслом с трудом перевела дыхание: второй раз за последние два дня мама говорит неправду! И опять про Августу Андреевну!

— Жаль, очень жаль, что не можете припомнить, добрейшая Софья Александровна,— с ударением сказал Пальчиков.— Дело весьма серьёзное. Вдова Фролова является матерью важного государственного преступника, к тому же беглого. Этот злодей подозревается в убийстве начальника тюрьмы — тайного советника Кошуро-Кастальского. Нам во что бы то ни стало нужно как можно скорее установить местопребывание матери злодея.

— Да, ужасное дело,— вздохнула мама.— Мы были большими друзьями с Кастальскими. Дочь Романа Игнатьевича сейчас живёт у нас. Мы приютили её до приезда матери.

— Ах, вот как? Не знал, не знал... Это — прекрасный, великодушный поступок. Бедная сиротка! — Пальчиков поднялся с дивана и стоял, весь блестящий, вылощенный, пристально глядя на маму.

— Так не припомните, когда была у вас Фролова? Ведь вы её, кажется, частенько звали? Она была у вас, по нашим сведениям, совершенно своим человеком.

— Ваши сведения сильно преувеличены.— Мама смотрела спокойно.— Просто она неплохо работала, нуждалась в заработке, а так как была хорошего поведения и совершенно честная, то мы ей этот заработок давали.

— И вам, сударыня, неизвестно, где Фролова находится в настоящее время?

— Абсолютно неизвестно.

— Так-с. Тогда не смею больше задерживать. — Пальчиков щёлкнул каблуками.— Честь имею откланяться.

— Прощайте,— наклонила голову мама, и Еленка про себя отметила, что мама нарочно не сказала «до свидания».

«Почему, почему мама сказала Пальчикову третью неправду? — ломала голову девочка.— Ведь Августа Андреевна у нас как наша, семейная, живёт у нас каждый месяц и сейчас, наверное, где-то у бабушки».

Еленка направилась к бабушке с твёрдым намерением добиться правды. Но тут снова позвонили. Это папа, бледный и расстроенный, привёз с похорон Олю — распухшую от слёз, нервно подёргивающуюся, и Еленка, забыв обо всём, кинулась к подружке. Остальная часть дня и ночь прошли очень плохо. Олечка не переставала дрожать, рыдала. Еленка перебиралась к ней на постель, гладила, поила водой. Стакан мелко тренькал об Олины зубы, и это было очень страшно. Наконец, обе измученные, девочки крепко заснули и спали долго. И как продолжение сна восприняла Еленка приехавшую утром за дочерью Агриппину Николаевну.

Вдова Кошуро-Кастальского была в глубоком трауре. Из-под откинутой чёрной вуали серело сразу постаревшее лицо. Говорила она с усилием и очень мало. Поблагодарила за заботы о дочери, поцеловала маму и Еленку маленькими накрашенными губами, закутала дочь и уехала.

Дом сразу опустел. Смутно Еленка чувствовала, что больше никогда не увидит Олю. Папа с мамой заперлись в спальне. Девочка вспомнила об Августе Андреевне — вот кто ей нужен сейчас, вот кто её приголубит, утешит... Однако дверь в комнату бабушки была распахнута настежь, там никого не было, а сама бабушка орудовала на кухне: оказалось, что Насти тоже нет — её отпустили навестить деревенскую родню.

Все давешние страхи обступили Еленку.

Пока в доме слышались движение, голоса, было ещё не так страшно. Но вот в последний раз пропела бабушкина дверь, и всё стихло. Ох, вот когда плохо пришлось Еленке! Девочка видела посреди комнаты, в темноте, что-то длинное, белое и обливалась горячим потом. «Это полотенце, это просто полотенце»,— твердила она себе, но полотенце покачивалось, выпускало длинный шлейф, и от сердцебиения Еленку подкидывало на кровати.

Наконец она не выдержала: «Пойду хоть к бабушке, может, позволит остаться».

Она выскользнула в коридор, сама похожая на привидение, — длинная девочка, уже превращающаяся в подростка, — в длинной, до пят, ночной рубашке.

 Всё было непривычно и страшно в ночной квартире.

Еленка изнемогала от страха — всё чёрное, всё чужое... И вдруг из-под двери гардеробной — тоненький лучик света, такой тёплый, оранжевый, спасительный лучик!

— Ой, неужто Августа Андреевна?!

Еленка, путаясь в рубашке, кинулась к двери, нажала ручку и — обомлела.

На её любимом сундуке, поджав под себя ноги, сидел незнакомый человек с бритой головой и, низко нагнувшись к лампе, читал книгу. Еленка успела заметить, что на незнакомом была папина домашняя куртка чёрного плюша и папина же рубашка в голубую полоску. Девочка набрала воздуху, чтобы крикнуть изо всех сил, но то, что человек спокойно читал на её сундуке, вдруг и на неё подействовало успокаивающе — она и сама любила здесь читать.

Внезапно человек поднял от книги тёмные, как будто в сплошном зрачке, глаза и увидел девочку в длинной ночной рубашке.

— А, Еленка! — он как будто одним дыханием произнёс эти слова.— Что же ты не спишь? Ведь ночь на дворе. Все добрые люди давно спят.

— А вы почему не спите? — спросила тоже шёпотом девочка.— И откуда вы знаете, как меня зовут?

Всего минуту, может, стояла Еленка перед бритым и уже нисколько, нисколечко не боялась его. Что-то знакомое и даже любимое чудилось ей в его небольшом скуластом лице, в тёмных глазах с большим, сплошным зрачком. И потом ей очень понравилось говорить вот так, шёпотом, с совсем чужим человеком, и чтоб никто-никто этого не знал!

— Почему вы не спите? — повторила она опять тем же шёпотом.— Ведь вы сами сказали, что все добрые люди спят.

— Вот, наверное, потому и не сплю, что недобрый, — усмехнулся бритый, и перед Еленкой блеснули его белые крупные зубы.

— Неправда, вы добрый,— твёрдо сказала девочка. — Я это сейчас же увидела.

— Вот как?

— Да. А вот я совсем не могу спать,— пожаловалась она.— Всё вижу убитого и этого злодея.

— Какого злодея?

— Того, что убил. Его и Пальчиков злодеем называет.

— А ты всякую чепуху не повторяй,— вдруг строго сказал бритый.— Главный злодей не тот, кто убил, а тот, которого убили. Его по приговору убили. За то, что он многих хороших людей загубил.

— Вы это наверное знаете? Честное слово можете дать? — тоже очень строго спросила Еленка. — Видите ли, убитый — папа моей подруги Олечки, и мне надо знать.

— Даю тебе честное слово,— твёрдо сказал незнакомый и поднялся с сундука. Еленка с удивлением увидела, что он небольшого роста — и довольно хрупкий с виду. Папина рубашка была ему очень велика. — Честное слово, а если мне не веришь, спроси отца.

Еленка ещё раз заглянула в тёмные зрачки.

— Я вам верю.— Она чуть помедлила.— А вас... вас Коськой звать? Константином? — поправилась она.

Бритый заулыбался во весь рот.

— Хитра ты, ох ну и хитра! — сказал он с одобрением.— Правильно, Константин я.— Он наклонился к девочке уже совершенно по-домашнему.— А теперь иди-ка ты спать и ни о чём худом не думай. Я тебя караулю.

— Спасибо, — сказала девочка. Уже не видя перед собой ни мертвецов, ни злодеев, она вернулась бегом к себе в комнату, повалилась на постель и уснула.

Она не слышала, как рано утром сама мама бегала за извозчиком, не видела, как папа вывел из гардеробной и повёл под руку вниз человека в своей лучшей меховой шапке и своём же старом пальто. Как вместе с ним доехал на извозчике до вокзала и посадил в вагон отходящего поезда.

— Документы настоящие достал?— спросила мама, когда он вернулся с вокзала.

— А как же,— засмеялся папа.—Ведь я не зря сам нотариус и с юристами дело имею.

Вообще в этот день как будто забылись все тяжёлые события последней недели, все в доме были оживлены и много смеялись. Была весела без всякого надрыва и Еленка. Девочка тщательно обследовала гардеробную, нашла там книжку какого-то Герцена, где почти не было разговоров (она листнула страницы), и ещё свёрнутую, но некуреную «козью ножку». Она ни у кого ничего не спрашивала. Но когда бабушка за обедом стала выговаривать папе, что он отдал невесть кому новую шапку, Еленка вдруг вмешалась:

— Бабушка, как тебе не стыдно? Ведь он шапку Коське отдал... Константину, — поправилась она.

МОЙ ДРУГ — СОЛДАТ

Алёшин отец — офицер. И живёт Алёша в военном городке. Ребята здесь, как и всюду, заняты с утра до вечера разными интересными делами, особенно летом, в каникулы. И чаще всего они играют в войну. Но чтобы играть в войну, нужно иметь личное оружие. Это — твёрдый закон.

А Алёшка как раз потерял где-то свой пистолет. И теперь в полной тайне начал мастерить автомат.

Утром, как только родители ушли, Алёшка энергично принялся за уборку. Вымыл и вытер посуду, унёс со стола тарелку с хлебом, солонку, смёл крошки. Ну вот, кажется, и всё.

Теперь можно заняться самым важным. Несколько дней он потратил на то, чтобы обстругать одну планку и сделать её похожей на автомат. Вторая, коротенькая, должна служить магазином. Всё это было готово и хранилось в гардеробе за мамиными платьями. Оставалось только закрепить магазин на корпусе автомата.

Достав из отцовской тумбочки молоток и коробочку с набором гвоздей разной длины, он положил на пол досочку-автомат, а на неё — магазин. Он довольно быстро забил первый гвоздь. Потом второй, третий и четвёртый. Немного подумал и в середину забил пятый. Автомат готов. Осталось только приделать ремешок. И тогда Алёшка будет ходить по улице со своим автоматом и воевать будет по-настоящему.

А то в прошлый раз он подкрался к Витьке Блинову, прицелился в него из палки:

— Тры-ты-ты! Тры-ты-ты! Ты убит, Витька!

Витька поначалу подчинился, вылез из куста. Но, увидев в руках Алёшки простую палку, направил свой покупной автомат на Алёшку и затрещал что есть силы.

— Падай! У тебя же не автомат, а палка! Ха-ха-ха!

— А твой автомат тоже не взаправдашний. Из него пули не летят. И я ни капельки не убитый. Я первый в тебя стрелял!

— Пойдём к дяде Феде. Он разберётся, кто победил.

Надо сказать, что с солдатом Курочкиным, или, попросту, с дядей Федей, у Алёшки давняя и крепкая дружба. В трудные минуты Алёшка всегда бежит к нему.

Дядя Федя выслушал друзей, подумал и сказал:

— Витя лучше подготовлен к бою. Надо и тебе сделать автомат.

Ну вот, теперь держись, Витька!

Алёшка поспешно схватил автомат за ствол, поднимая его с полу. «Трах!» — автомат переломился.

Гвозди пробили обе планки и глубоко вонзились в пол. Приклад и магазин по-прежнему лежали на полу. В руках остался отломанный ствол.

Заплакал Алёшка или нет — точно не известно. Но бывают в жизни такие моменты, когда и мужчины плачут.

Видимо, это был всё-таки тот самый момент, потому что, когда он прибежал на контрольно-пропускной пункт с обломками автомата в руках, Феде Курочкину показалось, глаза у Алёшки что-то очень уж блестят, а по щекам протянулись влажные дорожки.

Курочкин внимательно осмотрел Алёшкин автомат, попробовал соединить обломки.

2 Заказ 217

СТАРТ

— Да... Ремонту не подлежит. Придётся делать новый. Какой будем делать?

— АКМ.

— Правильно. Самый лучший наш автомат. Железно. У меня до смены есть пара часов свободного времени. Сделаем.

— Товарищ старший сержант,— обратился он к дежурному по контрольно-пропускному пункту,— к смене всё готово: полы вымыты, окна протёрты, территория убрана, цветы политы. Разрешите другу помочь?

Старший сержант Быстров посмотрел на сломанный автомат, на заплаканное лицо Алёшки.

— Разрешаю.

Что за руки у дяди Феди! Как ловко действует он перочинным ножом! Длинные стружки так и струятся и вьются из-под лезвия. Только что была доска, а уже виден ствол автомата с аккуратной мушкой. Вот и рукоятка и приклад.

— Ого, как настоящий! Номер 4259 написать — и точно мой АКМ будет,— заговорил подошедший к ним солдат.

Он закурил сигарету и шутливо обратился к Алёшке:

— Покурим?

— Курить вредно. А вы бросить не можете: силы воли нет. Я слышал, как вам папа говорил.

Солдат поперхнулся дымом. Федя Курочкин захохотал.

— Что, съел?

Солдат покраснел под укоризненным взглядом Алёшки. Потом засуетился, доставая что-то из кармана.

— Во, от «НЗ» с учений осталось. На, бери, настоящие солдатские. Три дня в вещмешке таскал. Всё выдержали. Как камень, не угрызёшь.

Алёшка посмотрел на ржаные сухари, которые предлагал ему солдат, на Федю Курочкина.

— Бери, бери, воин. «НЗ» всегда пригодится, — подмигнул Курочкин.

— А что такое «НЗ»?

— Неприкосновенный запас. Это сухари, а могут быть патроны, гранаты, снаряды и даже ракеты. Лежат, например, у солдата в вещмешке сухари и патроны. День бой идёт, два. Патроны к концу, а взять «НЗ» без разрешения командира нельзя. Враги ещё атаку готовят. Думают, что у нас патроны кончились. Командир приказывает: «Достать патроны «НЗ»!» Все достают, снаряжают магазины. А противник идёт. Уже рядом. Не стреляют наши. «Ага!— думает противник,— попались!» А командир командует: «По врагу, боеприпасами «НЗ» — огонь!» А потом, после боя, командир прикажет: «Достать продукты «НЗ». Разрешаю употребить». А все голодные, давно не ели. Сухари эти ох и вкусные тогда будут. Поели солдаты и опять в бой готовы. Вот что значит «НЗ». Понял?

Алёшка схватил сухари и начал рассовывать их по карманам.

— А когда мне можно есть «НЗ»?

— Береги до военной игры. Возьмёшь с собой в поход.

— Есть, товарищ командир!

— Ну, мне пора. Держи своё оружие. Попроси папу, чтобы он магазин укрепил с двух сторон жестяными накладками. Отсюда и отсюда. Понял?

— Понял.

— Ну, беги.

— Есть, товарищ командир! До свидания!

* * *

Воскресное утро. На стадионе лесного гарнизона сегодня большой спортивный праздник. С утра все ребятишки устремились туда. Стадион — это, пожалуй, слишком громко. Просто футбольное поле, окаймлённое узенькой беговой дорожкой, очищенной от травы и посыпанной песком. Вдоль дорожки по обеим сторонам поля, на всю его длину, два ряда скамеек для болельщиков.

Работы у ребятишек хоть отбавляй. Вместе с солдатами, пришедшими готовить стадион, они устанавливают большие разноцветные флаги, белят известью линии старта и финиша, взрыхляют опилки в яме для прыжков.

Алёшке с Витей Блиновым доверили по пучку маленьких красных флажков — их надо расставить по всей трассе, где будет проходить военизированная эстафета. Что такое эстафета — они ещё не знают. Но раз военизированная — значит, будет интересно, это уж точно! А пока ребята раскла-

дывают флажки вдоль натянутого по полю шнура. Сзади идёт солдат и одним-двумя ударами молотка забивает их в землю.

И вот по футбольному полю, разграниченные красными флажками, протянулись две полосы. В одном конце поставили по столу на каждую полосу, рядом положили носилки и сумки с красным крестом на боку; с другого конца подъехали два автомобиля «ГАЗ-66».

— Мама! Мама! А зачем столы? Носилки зачем? —так и сыплет вопросами Алёшка.

— Подожди! Сам всё увидишь, наберись терпения, — отвечает мама.

А возле столов и автомобилей уже собрались солдаты в касках, с автоматами и вещмешками за спиной.

На скамейках расселись зрители, и нигде нет свободного местечка. Почти все, кто живёт в городке, пришли сегодня на стадион. И только очередная дежурная смена осталась на своём боевом посту.

— Первый этап, приготовиться! — кричит отец Алёшки.

Он ведёт эстафету. На левой руке у него — красная повязка, через шею на шнурке висит секундомер.

Алёшка с мамой сидят на скамейке напротив столов — чтобы всё видеть, ничего не упустить.

— Мама, мама, смотри: дядя Федя! А рядом — Сизов!

— Внимание! — отец поднял вверх правую руку. — Марш! — и нажал кнопку секундомера.

Курочкин и Сизов, стоявшие каждый в одном шаге от своего стола, одновременно рванули автоматы с плеча, поставили на столы и начали их разбирать.

— Щёлк-стук, щёлк-стук, — одна за одной отделяются детали автомата и быстро кладутся на стол. Алёшка не успевает следить за руками солдат.

Сизов опередил Курочкина и на несколько секунд раньше начал сборку.

Мелькают руки и детали. Щёлк, щёлк, щёлк...

Сизов вставляет магазин и уже на бегу забрасывает автомат за спину.

— Дядя Федя, быстрее, быстрее! — не выдерживает Алёшка.

Нелегко бежать, когда за плечами тяжёлый вещмешок, слева противогаз, за спиной автомат. Каска закрывает глаза и стучит на бегу по голове.

Видно, что дядя Федя очень старается, но никак не может догнать Сизова.

— Дядя Федя, быстрее! — снова кричит Алёшка.

— Федя! Фе-дя! Жми! — вторят ему болельщики из первой батареи.

— И-ван! И-ван! Не сдавайся!!! — кричат Сизову болельщики из второй батареи.

— Трах, трах, трах! Трах, трах, трах!! — рвут воздух автоматные очереди.

Алёшка не успевает ничего сообразить. Он видит, что Сизов падает на землю, а за ним и Курочкин. Они на лету снимают автоматы и лёжа открывают огонь по автомобилям.

— Трах-трах-трах, — выскакивают вспышки огня из автоматов Феди и Сизова.

— Трах-трах-трах! — слышны автоматные очереди от машин, стоящих на другом конце футбольного поля.

Когда стрельба прекратилась, из-за автомашин навстречу Курочкину и Сизову выбежали двое в пятнистых маскировочных халатах. В руках у них блеснули ножи.

Алёшка вцепился руками маме в платье.

— Сейчас покажут приёмы самбо. Ножи у вражеских разведчиков деревянные. Курочкин и Сизов должны их обезоружить, — пояснил сидевший рядом с Алёшкой майор Терентий Иванович, заметив его испуг.

Противник Феди, держа нож в руках, хищно пригнулся, выбирая момент для удара. Федя принял боевую стойку и не спускал с него глаз. Вот противник сделал обманное движение, Федя мгновенно повернулся к нему, сделал прыжок, пытаясь ударить его ногой, но тот ловко увернулся и бросился на Федю. Над головой мелькнул нож. Алёшка зажмурил глаза.

— Ура! Ура! Молодец! — раздались громкие, восторженные крики болельщиков.

Алёшка открыл глаза.

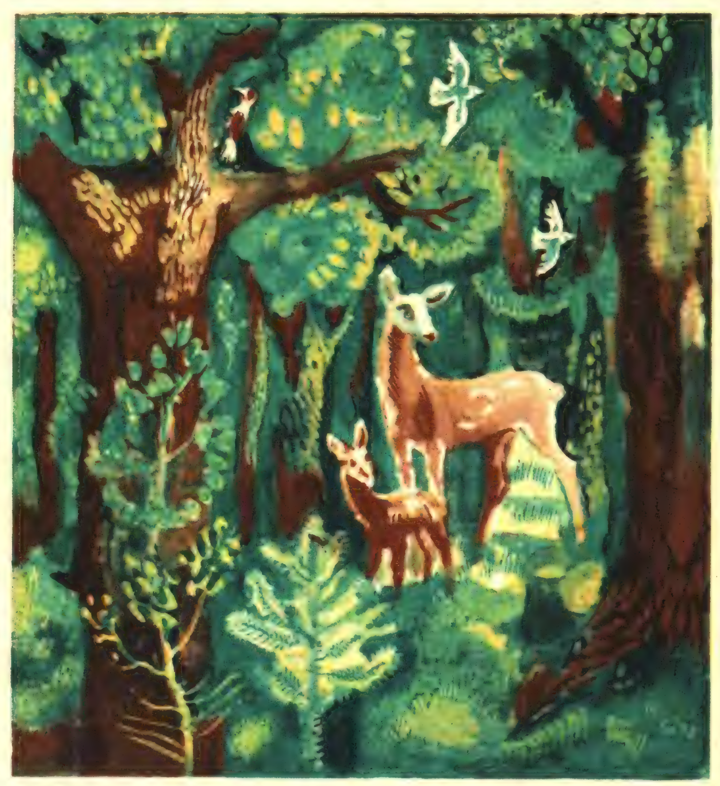
Противник Феди лежал на земле, а Федя сидел на нём верхом, двумя руками захватив его руку с ножом.

Ещё движение — и нож выпал из руки на траву.

А Сизов всё продолжал бороться со своим противником, пытаясь вырвать у него нож. И никак не мог с ним справиться.

Алёшка запрыгал от радости: теперь-то было ясно, что победил в эстафете его друг — солдат Курочкин.

МИРНЫЙ НАРУШИТЕЛЬ

Рассказ начальника заставы

Чем дальше на запад,
Тем гуще и гуще
Становится лес —
Беловежская пуща.

Здесь вольно живётся
И зверю и птице
У польско-советской
Спокойной границы.

От топора
И от злого ружья
Свой лес
День и ночь
Стерегут егеря.

Однажды приехал
К нам польский учёный
И озабоченный,
И огорчённый.

— Беда! — обратился
Учёный ко мне.—
Зубрёнка подранил
Злодей-браконьер!

И к вам перебралось
Зубриное стадо.
Зубрёнку помочь
Обязательно надо.

И вот прозвучал
Необычный приказ:
— В зубрёнка придётся
Стрелять ещё раз!

Зачем? Для чего же? —
Законный вопрос.
Затем, чтобы сделать
Зубрёнку наркоз.

Итак, на пути
У зубриного стада
Возникла лечебная
Наша засада.

А вот вам и зубры!
Удачный прицел —
И выстрел!
Зубрёнок как будто присел.

Врач взялся за дело.
Опасности нет —
Теперь не погибнет
Лесной пациент.

Лечили зубрёнка.
Он жил взаперти,
Но время настало
Зубрёнку уйти.

Покинул малыш
Территорию нашу
И в Польшу ушёл
К зубрихе-мамаше.

И пропустить
«Нарушителя» рад
Любой самый зоркий
И строгий наряд.

А стадо умчалось.
И только летит
Земля из-под грозных
Тяжёлых копыт.

Не бойся, зубрёнок,
Всё будет прекрасно:
Послал я не пулю —
Пилюлю с лекарством.

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Вот уже неделя, как мы живём на даче, на озёрном острове. Домик наш деревянный, старый-престарый, будто избушка Бабы Яги на курьих ножках. Вокруг лес и вода. Раньше мы никогда не бывали в лесу.

Когда папа объявил, что мы едем на дачу, то добавил, что на остров и не на простой, а на та-ин-ствен-ный!

Мы с Иринкой прыгали и визжали от радости. Таинственный остров — как интересно! Мы не могли дождаться, когда увидим его.

С нами на даче живёт Валет, чёрный сеттер-гордон, с которым папа ходит на охоту. Мы с сестрёнкой всегда припрятываем для Валета сладо-

сти — печенье, сахар или конфеты. Он громко хрустит и потом долго облизывается: вкусно!

Сеттер то и дело убегает в лес, всё нюхает, всё что-то ищет: видно, здесь ему тоже очень интересно. Сегодня опять вернулся из лесу весь взъерошенный, хвост в колючках. Целый час пришлось его чистить и отмывать. Теперь он крепко спит в своей будке.

Мы ходим с мамой за малиной, в лесу её видимо-невидимо! А лес густой, тёмный. Так и кажется, что сейчас выйдет из него медведь или Баба Яга... Иринка без меня ходить трусит. Ну и я немного боюсь, но мне очень нравится немного бояться.

Только вот уже неделя прошла, а ни Баба Яга, ни медведь что-то не показываются. Даже белки мы ни разу не видели.

Вечером сильно гудят комары, да где-то далеко громко хлопает мяч. Там, в другом конце острова, живёт пионерский лагерь.

Сегодня суббота — и наши родители собираются в соседнюю деревню за продуктами. Отец уже наладил лодочный мотор. Я тоже очень хотел поехать, но с кем же оставить Иринку? Да и лодка маленькая, а обратно надо везти продукты.

— Ты ведь большой,— добавил папа, — вот и останешься за меня и будешь хозяйничать. К вечеру мы вернёмся.

Ничего не поделаешь, пришлось остаться!

Мы с Иринкой принесли на берег две корзины, мама — вёсла, а папа уже сидел в лодке.

Озеро было спокойное, тихое. Мотор быстро завёлся, мама села — и лодка отчалила. Тут на берег прибежал Валет. Он бросился в воду, догнал лодку, прыгнул на корму, отряхнулся, даже чуть лодку не перевернул... И спокойно уселся рядом с мамой, очень довольный. На нас он и не глядел.

Так мы остались одни на острове. Иринка вдруг громко заплакала. Я бы, наверное, и сам заплакал, да надо было успокаивать сестрёнку. Я сказал, что мама и папа скоро вернутся. А мы сейчас пойдём чистить малину, вскипятим чайник и будем пить чай.

Солнце опускалось прямо в озеро, по воде бежали золотые зайчики. Сильно кусались комары. Но мы с Иринкой всё смотрели и смотрели на воду. Там далеко прошёл пароход, на нём играла музыка и было много народу. Наверное, все возвращались с прогулки в город. Вот парохода уже не видно. Только большая волна от него плеснулась на берег. Всё стихло.

Я оглянулся на нашу дачу. Над дверью висели четыре бамбуковые удочки — две папины, а две мои. Окна были закрыты. Не очень-то весело идти в пустой дом.

Но я вспомнил папины слова: «Ты здесь остаёшься вместо меня, помни!», взял Иринку на руки и пошёл.

Когда мы поужинали и попили чаю, стало совсем темно. Я уложил сестрёнку спать, задёрнул на окнах шторы и сел к маленькой лампочке читать книгу «Собака Баскервилей». Книга эта очень интересная, но здорово страшная. Таинственная...

Я читал и всё время слушал, не застучит ли на озере моторка, не залает ли Валет. Но всё кругом было тихо. Только комары гудели под потолком. Иринка спала, рукой она прижимала своих кукол и спокойно сопела.

Я посмотрел на часы — одиннадцать. Наверное, родители приедут только утром.

Я вышел из избушки, обошёл вокруг, всё осмотрел, запер калитку, дверь и лёг спать.

Проснулся я от какого-то шороха. Светящиеся стрелки будильника показывали два часа ночи. Сперва я подумал, что вернулись наши. Но не было слышно голосов, никто не стучался.

Я замер, приложив ухо к двери. Раздался треск. Ломали загородку нашей дачи. Потом затопали на терраске, потом нажали на входную дверь. Крючок заскрипел. И страшно загрохотало — это упали удочки... Я похолодел от страха. Стараясь не шуметь, подтащил к двери стол, на него поставил стулья, чемоданы... Может быть, и здесь в лесу прячется огромная собака? Или кто-нибудь ещё страшнее?

Дверь качалась, и за ней тяжело переступало и шумно дышало чудовище... А если крючок отлетит?..

Я чуть не плача посмотрел на спящую Иринку — только бы не проснулась! Ведь заревёт на весь дом. Я притаился.

За дверью ещё немного потопали — и шаги стали удаляться. Опять затрещала загородка. Потом всё затихло. Я подбежал к окошку. Луна ярко освещала просеку. И на ней... У меня опять по спине забегали мурашки... На просеке стоял кто-то и махал мне чем-то белым.

«Наверное, из дому выманивает!» — подумал я и спрятался за шторку. Что же делать?

Я вспомнил про отцовское ружьё, которое висело на стене. Ноги дрожали и не могли шагать. Но я всё же придвинулся к стенке и снял ружьё. Я много раз видел, как отец заряжал ружьё, но сам никогда не держал его в руках и не знал, что оно такое тяжёлое и холодное.

Я долго искал коробку с патронами. Потом отогнул ствол и не помню, как вложил патрон.

Чтобы выстрелить, надо распахнуть раму, а вдруг там ещё кто-то есть? Я совсем растерялся. Положил ружьё на стол и опять подошёл к окну. На просеке вдалеке всё так же мелькало что-то белое. И слышался непонятный звук.

Ближе, ближе... Да это же стук мотора нашей лодки! Я его хорошо знаю, наш мотор. «Едут!» И страх сразу исчез. Не раздумывая, я быстро взял ружьё, распахнул окно, прицелился в просеку, да как пальну!..

В дверь уже стучала мама и громко спрашивала:

— Дети! Что случилось? Что за стрельба? Где вы?!

Иринка, конечно, проснулась. Она сидела на постели и ревела во всю мочь.

Валет вскочил в открытое окно, за ним влезла мама, за мамой — папа. Ведь дверь-то загорожена!

А я сам стоял с дымящимся ружьём и тоже ревел.

— Зачем ты стрелял? — спрашивала мама.

— Почему ты взял ружьё? — возмущался папа.

Когда я немного успокоился, то рассказал им про всё: про удочки, про треск, про чудовище, которое дышало за дверью...

Мать с отцом переглянулись, потом стали нас опять успокаивать, потому что мы снова дружно ревели...

Отец сказал, что я правильно сделал — загородил дверь. Но ружьё всё равно трогать нельзя! Мама гладила по голове и приговаривала: «Ах ты мой Аника-воин!»

Отец закрыл окно.

— Да,— сказала мама,— остров на самом деле какой-то таинственный. Я же говорила, что их нельзя оставлять надолго одних.

Я не мог уснуть. Всё думал, что же это такое было?

Утром отец взял велосипед, ружьё, свистнул Валетку и поехал по той самой просеке...

Вернулся он только к обеду и, смеясь, объяснил ночное происшествие.

На том конце острова, как мы уже знали, есть пионерский лагерь. Воду для питья возят в бочке, в которую запрягают старого серого мерина Кобрика. А ночью его отпускают пастись в лес, и он бродит всю ночь. Мерин серый, а на лбу у него во всю голову большое белое пятно — звезда. Этот конь и забрался на нашу терраску, сбросил удочки, испугался и побежал. На просеке конь остановился, чтобы почесаться боком о сосну.

Отец повёл меня к той сосне и показал на коре серые волоски лошадиной шерсти, показал следы подкованных копыт.

Так кончилась эта ночная история.

ВАЛЕТКА

А у нас сегодня события. Во-первых, мы узнали, что завтра с Иринкой и Машей уезжаем к бабушке, которая живёт на Украине. А мы ещё ни разу не были на Украине и бабушку никогда не видели.

Вот мама и решила в этом году отправить нас вместе с Машей. Маша — наша двоюродная сестра и мамина племянница. Она теперь живёт у нас. Маша — студентка. Соседи называют её «серьёзная девушка». А мы смеёмся. Видели бы они, как Маша здорово умеет строить рожи перед зеркалом, ходить на руках. А как она танцует «Еньку»!

Но вообще-то Маша серьёзная и мама на неё надеется. Она так и сказала: «Маша, я на тебя надеюсь, ты довезёшь детей без приключений».

А второе событие очень грустное. Потерялся Валет. Утром он незаметно выбежал из квартиры и исчез. Мама заявила в милицию, но пока никто ничего не знает. Где же Валетка?

Валетка всегда ходит с папой на охоту. Он папин помощник. Настоящий охотничий пёс. К нам уже несколько раз приходили покупать Валетку, давали деньги. Но мы его не продавали.

«Друзей не продают!»— так сказал папа.

Валетка всё понимает. Когда я получал «двойку», он ходил вокруг меня, скулил, клал мне лапу на плечо, уговаривал: «Ну, пожалуйста, не расстраивайся!»

А теперь вот потерялся. И папа как раз в командировке. Что же делать?

Мы собираемся в дорогу без всякой радости. Суетимся, толкаемся без толку. И некому нам сказать: «Гав! Гав! — не шумите, не ссорьтесь!» Мы с Иринкой тайком утираем глаза и боимся даже говорить о Валете.

Где он теперь, бедный? Голодный, наверное. А может, его воры увели?

Вечером мама принесла билеты. Она снова объясняла Маше, как вести себя в дороге, чтобы не потерять «ни детей, ни вещей». Потом мы ужинали. Есть нам совсем не хотелось. Но мы ели, чтобы не расстраивать маму. Скорее бы уйти спать. Скорее под одеяло и — думать, думать про Валетку...

Утром мы отправились на вокзал. У нас два чемодана. Один, поменьше, тащу я, а другой — мама вперемену с Машей. Иринка несёт рюкзачок.

Я стараюсь идти помедленней, как будто чемодан тяжёлый. А на самом деле смотрю по сторонам: не вернётся ли Валетка. Мама с Машей всё время меня торопят. Иринка хнычет. Жарко!

Ну вот, мы и пришли. Откуда столько людей на вокзале? Все куда-то торопятся, бегут... Тут и потеряться недолго!

Наш поезд уже стоит. Красивый — светло-зелёный, с голубой полоской. Ищем пятый вагон... И вдруг!.. Да, я вижу нашего Валетку. Его ведёт вы-

сокий дядька в сером клетчатом костюме. Валет натягивает поводок, низко наклоняет голову, будто хочет уползти в сторону... Неужели Валетку увезут?! Нет!

И тут я как закричу:

— Мама! Валет! Сюда!

Все оглядываются. А Валет увидел меня — лает, рвётся, задыхается, словно говорит: «Да пустите же меня, пустите, ну что вы меня держите?!»

Дяденька в клетчатом костюме стал бить Валетку поводком и быстро повёл его на другую платформу. Я бросаю чемодан и бегу за ними. А сзади кричит мама:

— Саня! Куда ты? Стой, Саня!

Но я продолжаю бежать и кричу что есть силы:

— Дяденька! Отдайте собаку! Это наша собака!

Собирается толпа. Люди спрашивают:

— В чём дело?

— Кто обидел ребёнка?

— Чья собака?

— Укусила?!

Я даже не слушаю, не смотрю ни на кого. Только бы Валет не исчез! Дяденька бежит и тащит изо всех сил его за собой... «Вале-ет!» — кричу я и падаю. Вскакиваю, у меня разбито колено. Я плачу от боли и обиды. И страшно за Валета. Всё равно бегу. Сзади далеко бежит мама... А рядом какие-то мальчишки тоже отчаянно кричат:

— Дяденька! Зачем собаку воруешь?!

Валет упирается и едет лапами по земле... Дядька сильно ударяет его поводком, и Валет вдруг кидается на него, рвёт пиджак. Дядька ойкает, подпрыгивает и отпускает поводок. Валет несётся ко мне. Я реву и целую его прямо в нос. А мама уже рядом. Тут подходит милиционер с дядькой. Дядька кричит:

— Это безобразие! Буду жаловаться! Собаки одежду рвут!

Валет смирно сидит около мамы. И молчит. Милиционер говорит:

— Давайте, граждане, разберёмся! Документы, граждане!

Тут раздался гудок, и наш зелёный поезд поехал. Мама заохала, что пропали билеты и там, на платформе, дети с чемоданами ждут...

А милиционер посмотрел на Валетку, на меня, на дядьку и строго так говорит:

— Пройдёмте, граждане, в отделение!

Мама плачет. Я тоже реву. А Валетка подпрыгнул, два раза маму лизнул, меня лизнул и весело завилял хвостом...

Я крепко схватил его за ошейник. Никуда не отпущу!

А к бабушке мы всё-таки поехали. Через неделю.

А. ВОЛОВИК

ПОЧЕМУ ОЛЕНЬ ЗЕЛЁНЫЙ

По зелёному лесу гулял зелёный олень. Рвал зелёные листья с зелёных веток, щипал зелёную траву. Пил зелёную воду из зелёного ручья. Сквозь ветки светило зелёное солнце. И птицы были зелёные, и земля была зелёная. Всё было зелёное.

А на другой страничке тетрадки всё было красное — и олень, и трава, и вода, и солнце.

А ещё на другой страничке всё было синим.

Я спросил:

— Серёжа, почему у тебя олень зелёный? А на другой страничке — красный, а на третьей — синий? Скажи, пожалуйста.

3 Заказ 217

А Серёжа мне отвечает:

— Какой карандаш попадётся, таким и красить буду. А что — разве нельзя?

Я говорю:

— Почему нельзя — можно. Только олени зелёные не бывают, не встречал я таких оленей.

А Серёжа мне тут и говорит:

— Ты не встречал зелёных оленей, а вот теперь и встретил!..

РАЗГОВОР С ВОРОБЬЁМ

Вышел Серёжа во двор. На дворе — лужи. Красивые. И воды в них много. А Серёжа в ботинках. Хочется по лужам походить, но понятно, что ноги промочишь. В том ничего страшного нет, но мама этого никак не поймёт. Можно пойти домой, резиновые сапоги надеть... Тут в лужу прилетел воробей. Прямо в середину лужи забрался и расхаживает.

Серёжа ему говорит:

— Простудишься ты, воробей.

А воробей посвистывает, чирикает.

Серёжа ему говорит:

— Вон твоя мама, сейчас тебе попадёт.

А воробей чирикает, посвистывает.

Серёжа говорит:

— Может, у тебя резиновые сапожки?

А воробей молчит.

Тогда Серёжа подумал, что воробей его не слышит, и подошёл поближе. Воробей отскочил на край лужи, и стало видно, что сапог у него нет.

Тогда и Серёжа зашёл в лужу. И пошёл бы у них разговор, настоящий, а не только о простуде, если бы Серёжина мама не увела его из лужи домой переобуваться.

А когда Серёжа снова вышел во двор, то воробья уже не было видно.

Не дождался. В другую лужу полетел.

КАК БЫСТРЕЙ ЗАСНУТЬ

Была осень. На берегу реки росло семь берёз. На каждой оставалось по семь листочков.

Загудел ветер, и с первой берёзы упал первый листочек.

Снова загудел ветер, и со второй берёзки упал первый листочек...

И так надо считать, пока не упадут все листочки со всех берёзок.

А если кто-нибудь ещё не заснул, то вспомните, что на другой стороне реки росло семь осинок и на каждой росло по семь листочков...

ПОЧЕМУ ДЕНЬ ДЛИННЫЙ, А НОЧЬ КОРОТКАЯ

Очень давно, когда мальчики и девочки ещё не научились спать, день и ночь были одинаковой длины. Различали их просто: днём светло, а ночью — темно. Днём было лучше — всё видно. Ночью было хуже — особенно играть в догонялки плохо. Бежишь и не видишь, куда бежишь, за кем бежишь.

Но потом все мамы и все папы как будто сговорились и стали заставлять мальчиков и девочек ложиться спать: — Вы устали, ложитесь спать, сколько можно носиться?

Разве это трудный вопрос? Носиться можно, пока ноги носят.

Но со взрослыми спорить тяжело. Пришлось мальчикам и девочкам послушаться. Сначала все лежали с открытыми глазами. Днём было интересно — вокруг глазеть было можно. Ночью не так интересно — вокруг одна темнота и ничего больше. А сколько можно лежать в темноте с закрытыми глазами? Вот и научились спать мальчики и девочки.

Было, конечно, обидно. Одно только и спасало: ночью глаза закроешь, заснёшь, а глаза откроешь — уже светло.

Короткие стали ночи. А день какой был длинный, такой и остался.

Л. РАХЛИС

ШИШЕЛ-МЫШЕЛ

Смешного человечка Шишела-Мышела поэт Лев Рахлис не придумал, он встретился с ним в ребячьей считалочке: «Шишел-Мышел, Ванька вышел». Очень забавный этот Шишел-Мышел — самых обыкновенных вещей он не знает, ужасный трусишка, а уж рассеянный и ленивый — просто на удивление. Поэт решил рассказать о нём всем ребятам и написал несколько стихотворений, которые вы сейчас прочитаете.

КЕМ БЫ СТАТЬ?

**— Шишел-Мышел, расскажите,
Кем бы вы хотели стать?
Может быть, врачом хотите
Или, может быть, летать?
— Нет, — ответил Шишел-Мышел, —
Если правду вам сказать —
Сторожем хочу я стать,
Чтобы день
И чтобы ночь
Сторожить заветный склад,
Где хранится
Шоколад.**

ОСОБАЯ ПРИМЕТА

— Это то
Решето
Или, может быть,
Не то?
    Шишел-Мышел
    Почесал
    У себя в затылочке
    И почти
    Пересчитал
    В решете
    Все дырочки.
— Нет, не то
Решето.
То —
Другое
Решето.
У того
Решета
Эта
Дырочка
Не та!

ОБИДА

Нет в трамвае де-душек,
Нет в трамвае ба-бушек,
Нет в трамвае ста-реньких,
Хоть ты плачь.
Шишел-Мышел
Удручён,
Опечален,
Огорчён.
Он сидит
Переживает
И не знает,
Как же быть,
Если некому
В трамвае
Даже место
Уступить.

КТО ДАЁТ НАМ МОЛОКО?

— Фи, — скривился
Шишел-Мышел, —
Я-то знаю,
Я-то слышал,
Я отвечу вам легко,
Кто даёт нам молоко.
Молоко даёт корова!
    — Что вы, что вы?
    Что вы, что вы?
    Молоко?
    Даёт корова?
    А корове
    Кто
    Даёт?
Шишел-Мышел отвечает
Простодушно и легко:
— А корова покупает
В магазине молоко.

СТРАШНЫЙ ЗВЕРЬ

Разбегайтесь кто куда:
Приближается беда!
У беды рога большие
И седая борода.
    Шишел-Мышел
    Как услышал,
    Как пустился
    Наутёк!
    И бежал он,
    И дрожал он,
    Как осиновый листок.
Между тем невдалеке
Шла беда на поводке,
Потихоньку, мирно шла
И рога свои несла.
    Шишел-Мышел прыг под лавку
    И — притих средь бела дня...
    А беда щипала травку
    На полянке, у плетня.

ШАЛОВЛИВЫЕ СОСУЛЬКИ

Шаловливые сосульки
Сели на карниз.
Шаловливые сосульки
Посмотрели вниз.
Надоело им свисать —
Стали капельки бросать.
Целый день идёт трезвон:
— Кап-кап!
— Дон-дон!

ЗОЛОТАЯ ЛЕЙКА

Лей-ка, лей-ка,
Золотая лейка!
Лейка брызнула лучами
Над широкими полями.
И поля под ними
Стали золотыми.
Луч упал на лес густой —
Стал он тоже золотой.
От чудесной лейки
В золоте скамейки,
Здания, машины,
Улицы большие.
Ярким золотом горят
Лица взрослых и ребят.
Сколько в них улыбок!
— Солнышко, спасибо!

АНГЛИЙСКАЯ СОБАКА

Как-то на классный час вместе с Ольгой Ивановной пришла Зоя Андреевна. Ольга Ивановна сказала:

— Скоро будет утренник, посвящённый Первому мая. Все классы готовят свои номера. Наш четвёртый «г» всегда хорошо выступал. И сейчас мы не должны ударить лицом в грязь. Зоя Андреевна предложила поставить с вами сказку «Репка» на английском языке.

— В сказке семь действующих лиц, — вступила тут Зоя Андреевна: Дед, Бабка, Внучка, собака Жучка, Кошка, Мышка и Репка. Дима будет Дедом, Люся Фролова — Бабкой. У них лучше всех пока обстоят дела с

языком, потому самые большие роли поручаю им. Остальных героев сказки можно выбирать по желанию.

Все вскинули руки и закричали:

— Я! Я! Я! — Каждый старался, чтоб его заметили.

— Мальчики, вы не тянитесь! Видите, роли остались только женские!

Мальчики сразу сникли и потеряли интерес к собранию. Занялись своими делами. А Сашка Горюнов всё ещё тряс своей рукой.

— Что тебе, Горюнов?

— Я тоже хочу играть! Собакой буду! Да, и очень даже просто. Вон в «Айболите» собаку зовут Авва, а играет её дяденька...

— Ребята, дадим ему роль Собаки?

Все закричали:

— Дадим!!

— Но учти, Горюнов. Слов у Собаки нет. Она только лает.

— Я хорошо умею лаять! — И Саша немножко полаял.

Ох и старались ребята! Дома вызубрили роли. Несколько раз оставались после уроков и репетировали. Наконец настал праздничный день. Мама к Димкиным лыжным брюкам пришила яркие заплаты: красные, голубые, белые, дала ему маску — нос с усами, бровями и очками — и «Дед» отправился в школу.

Вела концерт старшая пионервожатая Лена. На ней был костюм Хозяйки Медной горы: красивый, длинный до полу, расшитый зелёными блёстками сарафан, корона-кокошник.

Чтобы всё было хорошо слышно, школьный радист десятиклассник Витя Курочкин поставил на сцену микрофон.

Ребята репетировали без микрофона и сейчас были приятно удивлены: ни один звук их английского произношения не пропадёт даром, все услышат.

Наконец Лена объявила номер. На сцену выбежала Маша Постникова — Репка.

Поднялся занавес, и вышел Димка — Дед. Он сгорбился и прихрамывал. Все засмеялись. Дед поглядел на Репку, всплеснул руками, вытянул шею к микрофону и прокричал:

— О, уот биг тёнип уи хэв ин ауэ китчен гадэн! Ай вонт ит дро аут!

Это значило: «О, какая большая репа выросла в нашем огороде! Я хочу её вытянуть!»

Димка взялся за листья и снова оглушительно закричал:

— Уан, ту, зри! Ит из ту биг фо ми! Грэнни, кам хиа! Хэлп ми, плиз! («Раз, два, три! Она слишком большая для меня! Бабка, иди сюда! Помоги мне, пожалуйста».)

Вышла Люся — Бабка, сказала свои слова, схватилась за Деда. Прибежала Внучка... Всё шло хорошо. После речи каждого зал дружно хлопал и

смеялся — уж очень забавно было смотреть на своих артистов, говорящих по-английски.

Внучка крикнула «Дог!», и тут началось...

На сцене показался Сашка Горюнов. Артисты остолбенели. У Собаки лисья морда. Как потом выяснилось, Сашка бегал по всем магазинам, но там продавались только заячьи, медвежьи и лисьи маски. Он рассудил, что лиса всё-таки ближе к собаке, чем медведь или заяц.

Но даже не маска поразила героев сказки. Сашка шёл какой-то неприятной скользящей походкой, прижав локти к бокам и выставив руки в чёрных перчатках. Потом догадались, в чём дело. Виной всему оказался хвост. Он был великолепен: длинный, ни у одной собаки такого не встретишь, пушистый и, главное, — он двигался совершенно самостоятельно. Ребята разглядели чёрные нитки, которые тянулись от хвоста, продёргивались сквозь куртку и прикреплялись к пальцам. Дёрнет он большими пальцами — завиляет кончик хвоста, указательными — шевелится середина. В общем, Горюнов работал с хвостом, как кукловод с марионетками. Видно, немало Сашка потрудился над этой деталью костюма. Он повернулся к зрителям спиной и показал своё искусство. Все зааплодировали. Этого Сашке показалось мало. Всё так же спиной к зрителям и всё время виляя хвостом, он прошёлся по всей сцене, вернулся, остановился около микрофона и, повернув голову, воскликнул: «Гоу-гоу-гоу!»

— Ты что? — по-русски изумился Дед.

— Понимаешь, — возбуждённо зашептал Сашка, — я только сегодня додумался. Не может ведь английский пёс лаять как русская дворняга!

Так как микрофон передавал все оттенки звуков по всему залу, зрители после этого диалога покатились со смеху. Засмеялись и артисты. В это время вышли уже и Кошка, и Мышка. Они встали в свою очередь и оставили место для Собаки.

Сашка наконец встал и схватился за Внучку. Тут нитки у него лопнули, хвост упал на Кошку — Таню Медведеву — и больно ударил её. В хвост была вшита толстая верёвка. Таня сначала громко ойкнула, но потом «проявила драматическое дарование», как сказала затем Ольга Ивановна: замяукала и почесала лапкой за ухом.

Спектакль кончился. Четвёртому «г» долго и шумно аплодировали, кричали «бис!» и даже топали ногами. Артисты несколько раз выходили и кланялись. Сашка при этом держал свой хвост как полотенце, перекинув его через руку.

Зоя Андреевна сказала, что все очень хорошо выступили и произношение было прямо лондонское, даже у Собаки.

ГАРАЖ

Возьму карандаш,
Нарисую гараж,
А в нём нарисую машину.
И руль будет наш,
И мотор будет наш.
Ребята, несите скорее багаж
И полную бочку бензину!

САПОЖНИК

В мастерской у дяди Толи
Есть подмётки, шило, клей.
Если твой ботинок болен,
Отдавай его скорей —
На леченье, на починку,
Чтобы дольше жить ботинку.
Если твой ботинок рваный —
В мастерской залечат раны.
Приноси скорей, дружок,
Туфельку и сапожок.
Дядя Толя подровняет,
Подколотит, залатает,
Он посадит на колодку,
Новую прибьёт подмётку,
Выровняет каблуки —
Бегайте вперегонки.

4 Заказ 217

ЗЕМЛЯНИКА

Поищи-ка,
Загляни-ка
На полянку. Под травой
Притаилась земляника
И качает головой.
Вот пригорок, вот пенёк,
Рядом красный огонёк,
Абажур над ним зелёный —
Вырезной большой листок.
Осторожней, не спеши —
Огонёк не потуши.

КТО?

Кто проводит время лёжа?
На кровати, на рогоже,
На диване, на песке
И в лесу на гамаке,
На траве зелёной тоже —
Где угодно, лишь бы лёжа...
Кто? Попробуй угадай!
Лодырь, неженка, лентяй
Да ещё шаляй-валяй.
Ни в четверг, ни в понедельник
Не работает бездельник,
В среду или в пятницу
От работы пятится.
И во вторник и в субботу
Не выходит на работу.
Но и в пятницу и в среду
Успевает он к обеду.
Завтрак, полдник да и ужин
Каждый день лентяю нужен.
Как ему не надоест —
Не работает, а ест?

Есть у меня дочка. Сейчас она не такая уж и маленькая: ей скоро будет шесть лет. А когда она была поменьше, то очень любила слушать сказки. Правда, она и сейчас их любит.

И вот все сказки, которые я помнил, были рассказаны-пересказаны.

— А ты попробуй придумать новую, — предложила Таня.

— Я не умею.

— Всё-таки попробуй. Пусть она будет совсем маленькой. С мышиный хвостик.

Так появилась одна сказка. Потом вторая. Потом третья... Мы стали звать их «Наши сказки», потому что Таня тоже помогала мне их придумывать.

Теперь Таня говорила:

— Расскажи-ка, пожалуйста, нашу, которая про чашку... Или нет, лучше про зайца!..

Но каждый раз я рассказывал немножко по-другому, потому что не мог повторить сказку слово в слово. Таня заметила это.

— Знаешь что, напиши-ка лучше всё это на бумаге. А то ты вечно что-нибудь путаешь.

Я согласился. И написал наши сказки на бумаге.

Две из них мы сейчас тебе расскажем.

Слушай...

ЧТО СКАЗАЛ ВОЛК

В одном лесу жил Козлёнок. Он был очень ушастый и смешно подпрыгивал на своих тоненьких ножках.

Звери любили играть с Козлёнком, потому что он был самым младшим в лесу и самым озорным.

Все взрослые жители леса, встречаясь с Козлёнком, обязательно что-нибудь ему дарили или угощали чем-нибудь вкусненьким. Козлёнок так к этому привык, что, увидев знакомого, весело кричал:

— Здравствуй! А что ты мне принёс?

И хотя мама говорила Козлёнку, что воспитанные дети не задают старшим таких вопросов, Козлёнок отвечал ей:

— Я же знаю, что всё равно мне что-то принесли.

— Не ругайте его, — говорили маме взрослые звери, — что с него взять, он ещё маленький! — И продолжали баловать Козлёнка.

...И в этот день Козлёнку очень везло. Сначала он встретил Серого слона.

— Здравствуй! — закричал Козлёнок. — А что ты мне принёс?

— Я принёс тебе фиников, — ответил Серый слон.

— О, я их очень люблю. Давай-ка их сюда! — сказал Козлёнок и принялся уплетать финики...

— А что ещё любил Козлёнок? — спросила Таня.

— Ещё он любил бананы, персики, апельсины, лимоны и лук!

— И лук? — удивилась Таня.

— Да. Лук. И лимоны: Козлёнок знал, что они очень полезны для здоровья.

Так вот, не успел Козлёнок доесть финики, как увидел знакомого Леопарда.

— Здравствуй! А что ты мне принёс?

— Бананов, — ответил Леопард.

— Это мне подойдёт! — обрадовался Козлёнок и, поиграв немного хвостом Леопарда, начал уплетать бананы.

— Папа, а Леопард мог съесть Козлёнка?

— Конечно, мог. Но, во-первых, это был добрый Леопард, а во-вторых, это же сказка. И если ты будешь перебивать меня...

— Не буду, — сказала Таня.

Потом, уже к вечеру, Козлёнок встретил Волка.

— Здравствуй! А что ты мне принёс?

— Ничего не принёс, — хмуро ответил Волк. Он был не в настроении.

— Все приносят, а ты не принёс, — обиделся Козлёнок, — ну-ка, сбегай купи мне конфет или печенья! Да поскорее!

— Ты совсем не умеешь себя вести! — сказал Волк.

— Это неважно! — сказал Козлёнок. — Важно, что мне захотелось чего-то вкусненького.

— Мне тоже захотелось вкусненького, — сказал Волк и разинул свою страшную пасть.

— Ай! — закричал Козлёнок.

И плохо бы пришлось бедному Козлёнку, если бы рядом не оказалась мама. Она всегда поспевала вовремя и выручала из беды своего невоспитанного сына.

УПРЯМЫЙ ДИЛОКРОК

— А сегодня ты мне расскажешь про Дилокрока.

— Про кого?

— Про Ди-ло-кро-ка!

— Хорошо, Танюша. Только я не знаю, кто это такой.

— Я тебе объясню... Так вот. Дилокрок — это почти что крокодил. Но не совсем.

— А кто же он?

— Я же говорю: Дилокрок! Он такой же, как крокодил, но только ползает наоборот — хвостом вперёд, а головой назад, понял?

— Понял.

— Тогда рассказывай.

У мамы было два сына, сравнительно небольших крокодилёнка. Одного из них звали Крока, а другого — Дила. И хотя они были родными братьями, они ни в чём не походили друг на друга. Крока был славный и умный ребёнок, но зато Дила!.. Дила был просто невыносим.

Когда ему говорили: «Ползи сюда!» — он полз туда.

А когда ему предлагали: «Ползи туда!» — он полз сюда.

И это было бы ещё полбеды.

— Почему ты не научишься ползать, как все нормальные крокодилы? — сердилась мама.

— Потому что я Дилокрок! — гордо отвечал сын.— Всяких противных крокодилов сколько угодно, а Дилокрок один!

И он очень задавался.

Когда Дилу просили принести зонтик, он приносил спички. А когда все ели суп, он хватался за пирожное.

Но вот что случилось однажды.

Мама уплыла на середину реки, чтобы наловить к ужину рыбы. А оба сына резвились на мелководье, недалеко от берега.

— Не выползай на песок,— сказал брату Крока. — Ты же знаешь, что сейчас львы и тигры пойдут на водопой.

— Ну и пусть! — ответил Дила. — Я хочу погреться на солнышке. — И он выполз на берег. Как всегда, хвостом вперёд.

А надо сказать, что недалеко от этих мест жил один злобный и незверимый Тигр.

— Папа, а почему Тигр был незверимым?

— Видишь ли, Таня, я хотел сказать «нелюдимый», но про Тигра так будет неправильно. Так говорят про человека, который избегает других людей. А как про Тигра, я не знаю.

Так вот, Тигр больше всего на свете любил крокодилье мясо. Но он уже состарился, и большие крокодилы были ему просто не по зубам. И он старался ловить крокодилят, у которых мясо ещё не слишком жёсткое. Он старался ловить их на суше, где крокодилы не очень-то увёртливы.

Старый Тигр ещё из зарослей заметил нашего Дилокрока и стал к нему осторожно подбираться.

Но мама Дилы, которая уже возвращалась с середины реки, издалека увидела опасность и громко закричала:

— Дила! Хватай его зубами за хвост!

Дилокрок, увидев Тигра, тут же поймал его... хвостом. Ну конечно же хвостом! Ведь он привык всё делать наоборот.

А если уж говорить правду, так это Тигр схватил Дилу за хвост.

Но в этот момент Крока изловчился да как тяпнет Тигра за левую заднюю лапу! Старый разбойник взвыл от боли и побежал прочь. А когда он взвыл, то, конечно, разинул пасть и выпустил Дилокрочий хвост.

— Ползи ко мне, бедный, глупенький Дила! — сказала подплывшая к берегу мама. — Я перевяжу тебе хвост пальмовым листом.

Перепуганный Дилокрок пополз к маме, и уже не хвостом вперёд, а как все нормальные крокодилы — вперёд головой. Ему что-то совсем расхотелось упрямиться...

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЦИРК

...Когда в город приезжает обычный цирк — это уже событие. Мальчишки и девчонки начинают приставать к родителям:

— Па-па! Купи билеты в цирк!

— Мам! Я в цирк хочу!

А родители отвечают:

— Когда будешь хорошо учиться — будешь ходить в цирк.

Совсем маленьким говорят:

— В цирк пойдут те дети, которые хорошо себя ведут, едят кашу, пьют молоко и спят после обеда.

А представьте, что творится в городе, когда появляются такие афиши:

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Только ДВЕ недели!
Спешите видеть!
В город приехал
НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЦИРК
Весь вечер на манеже
весёлый клоун Петя.
Выступают знаменитые
медведь Портос,
лев Петруша,
собака-математик Клара
и другие замечательные
звери!
Только ДВЕ недели!

Что бывает на следующий день! Родители, вернувшись с работы, кричат своим детям:

— Достал! Достал билеты на «Необыкновенный цирк»!

Что же это за цирк? Это самый лучший, самый прекрасный цирк на свете. Его артисты — необыкновенные звери. У каждого — своя интересная судьба. О них можно рассказывать без конца...

МАТЕМАТИК КЛАРА

Все звери в цирке очень уважают собаку Клару. Ещё бы! Ведь она такая образованная — собака-математик!

Но однажды Клару обидели. Её дрессировщик разговаривал с ребятами о своей работе и сказал:

— Не думайте, что Клара у меня от рождения умная. Просто у неё, как у всех животных, есть условные рефлексы. Когда я говорю: «Клара, сосчитай до восьми», она лает, пока я не щёлкну пальцами. Вот и вся механика.

— Я сама! — крикнула Клара.

Но её никто не понял.

— Видите, как ей выступать хочется, — улыбнулся дрессировщик.

А вечером было представление. Ярко освещена арена. Дрессировщик улыбнулся публике и весело сказал:

— Сейчас Клара будет считать. Сколько будет: 159 отнять 150?

Клара налаяла пятнадцать раз. Дрессировщик и пальцами щёлкал, и подмигивал Кларе — ничего не получалось.

— Ав-ав-ав! — твердила она.

— Что с тобой, старушка моя? — спросил дрессировщик. Ему было неприятно: ведь за десять лет работы у него не случалось такого конфуза.

— Ты хоть помнишь, сколько будет дважды два?

— Ав-ав — ответила Клара.

Публика потешалась. Она думала, что всё это специально подстроено, и веселилась вовсю. Не смеялся только дрессировщик. «Что такое? — думал он. — Может, она на меня обиделась за что-нибудь? Но за что?»

Вспомнить он не смог. Поэтому наклонился к Кларе и тихо сказал:

— Вот что. Если ты на меня сердишься — извини. Потом мы сами с тобой во всём разберёмся. Хорошо?

— Хорошо,— ответила Клара.

На этот раз дрессировщик понял её и повеселел:

— Клара решает задачки по арифметике из учебника для пятого класса. Слушайте условие...

С задачами Клара расправилась быстро. Зрители захлопали, зашумели.

— Давайте задачу по алгебре решим, — сказала Клара дрессировщику.

Но он не услышал. К ногам дрессировщика летели цветы, зрители хлопали не переставая, и было слишком шумно...

МЕДВЕДЬ ПОРТОС

Самый старый житель цирка — медведь Портос — на всех ворчал, но не было случая, чтобы кого-нибудь обидел. И если в цирке кто-нибудь ссорился, то никто не мог так справедливо рассудить спорщиков, как Портос.

Однажды две собаки не поделили кость и пришли к медведю.

— Дело в том,— сказала одна, — что я нашла кость с мясом и хочу её съесть. А вот эта негодяйка хочет её у меня отнять. Говорит, что кость первой нашла она. Куда это годится?!

— Но-но! — обиделась вторая собака. — Попрошу без оскорблений. А кость нашла я. Докажи, что не я!

И обе посмотрели на Портоса. А медведь уже принял решение.

— Вот что, — сказал он. — Кость я не отдам ни одной, ни другой.

— Почему-у?

— Раз вы её нашли, — объяснил Портос, — значит, она кому-то принадлежала. У неё есть настоящий хозяин. А пока он найдётся — кость полежит у меня.

И собаки ушли расстроенные.

На следующий день нашёлся хозяин, лев Петруша. Это очень рассеянный лев, он всегда что-нибудь теряет. Петруша очень обрадовался, что нашлась его кость. Он сначала и поверить не мог.

— Не может быть! — говорил он.

Портос не стал рассказывать про ссору. Он просто сказал, что мясо принесли собаки.

Лев Петруша удивился ещё больше.

— Очень, очень благородные животные эти собаки, — восхитился он.

РАССЕЯННЫЙ ЛЕВ

Лев Петруша, как известно, очень забывчив. Самому Петруше даже нравится, что он такой. При знакомстве он сразу так и сообщает:

— Я страшно рассеянный. Иногда, вместо того чтобы выйти из клетки через двери, вылезаю между прутьями.

— Покажи, как, — попросил медведь Портос.

— Не могу, — ответил Петруша. — Во-первых, я могу так делать, только когда забываю о дверях. А во-вторых, я так рассеян, что забыл, о чём только что говорил. Ничего не помню.

Портос только пасть разинул. Что за чудной лев!

А однажды Петруша такую штучку сотворил, что о ней до сих пор весь цирк говорит. На представлении Петруша забыл, кто он.

«Может, я собака? — думал он. — Или корова? А может, я мышка?»

Хорошо, хоть дрессировщик попался догадливый. Он сразу понял, что лев забыл, что он — лев, и подсказал ему.

А дальше номер пошёл как по маслу. Если не считать того, что Петруша всё перепутал. Вместо того чтобы подержать голову дрессировщика, лев хотел подержать голову одного любопытного зрителя из первого ряда. Но зритель не захотел участвовать в представлении и пересел на пятнадцать рядов дальше...

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ВЕРБЛЮД ПАШКА

А ещё в цирке есть верблюд, по имени Пашка. Удивительный верблюд.

Однажды шёл Пашка с дрессировщиком. Тот куда-то торопился. Вдруг Пашка остановился у урны и плюнул туда. Дрессировщик удивился. Он даже глаза зажмурил — может, почудилось... Пашка подождал, пока дрессировщик откроет глаза, и так же спокойно плюнул в урну второй раз.

После этого дрессировщик говорил своим друзьям:

— Вы знаете, Пашка — такой замечательный верблюд, что я не удивлюсь, если однажды он заговорит по-человечески.

Как-то Пашка задумался:

«И почему про нас, верблюдов, говорят, что мы жадные? И так едим будто много, так ещё и в горбы про запас откладываем? Неправда всё это!»

И решил Пашка есть поменьше. Через месяц горбы пропали.

— Что это ты, Пашка, задумал? — спросил дрессировщик.— Не понять, верблюд ты или лошадь длинноногая.

Но когда и зрители перестали это понимать, дрессировщик грустно сказал Пашке:

— Вот что, выбирай, кем ты всё-таки будешь. Если лошадью — иди к другому дрессировщику. А я... я верблюдов люблю.

Задумался Пашка. Конечно, среди лошадей он будет первым. Но разве для этого он всё затеял?

«Эх,— подумал Пашка горестно.—Дело вовсе не в нашей жадности: ведь верблюд без горбов — это просто лошадь!»

И Пашка остался в верблюдах.

УМНЫЙ СЛОНЁНОК МИШКА

Слонёнок Мишка любил, когда ему аплодируют. Многие звери пугаются аплодисментов. Особенно хищники волнуются. А Мишке — только смеха да хлопков и нужно. Впрочем, зрители его не обижали, потому что Мишка очень хорошо танцует.

Дрессировщик Григорий Маркович на Мишку нарадоваться не мог.

— Умница, — часто говорил он слонёнку и угощал чем-нибудь вкусным.— Хорошо работаешь.

Старый дрессировщик и не догадывался, что Мишка вовсе не работает, а просто танцует потому, что ему самому нравится.

«Если Григорий Маркович узнает, что я люблю танцевать,— думал Мишка, — то перестанет угощать меня конфетами... Надо быть осторожней».

И когда в цирке все ложились спать — тигры и львы растягивались в просторных клетках и начинали громко храпеть, слышалось посапывание собак, наконец и медведь Портос находил себе место по душе и засыпал, кряхтя и жалуясь на старость и неудобства, — слонёнок занимался танцами. Хоботом он наигрывал мелодию и вертелся в разные стороны.

Но однажды...

Григорий Маркович поздно вечером возвращался домой после спектакля. Было прохладно, к тому же моросил неприятный мелкий дождь.

— Ну и погодка! — покачал головой Григорий Маркович. Он поднял воротник плаща. Быстрее всего почему-то намокла голова.

«Что за шляпа у меня! — рассерженно подумал Григорий Маркович. — Промокает моментально! Уж лучше совсем без шляпы ходить!»

Он хотел поправить шляпу, но на голове ничего не оказалось.

Григорий Маркович хотел было расстроиться, но потом вспомнил о коробке конфет, которую купил внуку, и снова повеселел.

«Как бы от дождя конфеты не размокли, — подумал он. — А шляпа — что! Можно и без неё до дома дошлёпать».

Григорий Маркович сунул руку в карман — пусто.

Раздумывать долго он не стал и зашагал обратно к цирку.

Как он удивился, когда увидел танцующего слонёнка!

— Ого! — только и мог сказать дрессировщик.

Слонёнок опустил голову и отвернулся.

«Растяпа! — подумал он. — Теперь и кусочка сахара не дождусь».

Дрессировщик вышел. А слонёнок ещё поругал себя, а потом решил:

«Ну и пусть! Зато теперь буду танцевать — сколько захочу».

Вдруг дверь открылась. Вернулся Григорий Маркович с коробкой конфет. Он очень волновался.

— Ты, Мишка,— сказал он, — очень талантливый слонёнок.

Он отдал Мишке конфеты, надел шляпу и отправился домой.

* * *

Если в вашем городе ещё не было гастролей этого чудесного цирка, скоро, наверное, будут. Однажды вы выйдете из дома и за целый километр увидите огромные красные буквы:

Необыкновенный ЦИРК!
Спешите видеть! Спешите видеть!

СОДЕРЖАНИЕ

НАЧИНАЕТСЯ РАССКАЗ..

Редактор С. Марченко
Переплет и форзац Л. Полстоваловой
Художественный редактор Г. Кетов
Технический редактор Т. Меньщикова
Корректор Н. Трубникова
Ретушеры А. Солимс, Ю. Свирский

Сдано в набор 24/IV 1972 г. Подписано в печать 23/X 1972 г. Бумага офсетная № 2. Формат $84 \times 108^1/_{16}$. Усл. печ. л. 6,7. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 75 000. Заказ 217. Цена 60 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

60 коп.

СРЕДНЕ • УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК • 1972